

Литература:

1. EU constitution: Where member states stand // <http://news.bbc.co.uk>.
2. Пронкин С. В., Петрунина О. Е. Государственное управление зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2001.
3. The United States Statutes at Large is the collection of laws passed by the United States Congress // <https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/>

Куксин Иван Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Института права и управления МГПУ,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

Мархгейм Марина Васильевна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

«ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация. Авторы анализируют понятие «цифровая революция», включая право, как самостоятельный социальный институт. На основе этого приходят к выводу о наступлении эры нового взгляда на правовые институты и возникающие в связи с этим правовые и этические проблемы.

Ключевые слова: цифровая революция, цифровая экономика, цифровое пространство, искусственный интеллект, цифровая безработица, персональные данные, биометрия, дерматоглифика.

За последнее десятилетие в публикациях, посвященных исследованиям правовых проблемам, отмечается, что с внедрением сети Интернета и IT технологий последние существенным образом меняют окружающий нас мир. В научный оборот, в том числе и в юриспруденцию, прочно вошло новое понятие «цифровая революция». Что она включает в себя?

Сегодня не только в массовом сознании, но и среди исследователей нет терминологического понимания, какими параметрами и технологическими достижениями должно наполняться понимание «цифровая революция». Поэтому

* Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс

понятие указанного термина наукой еще не обосновано ввиду его новизны, неоднозначности и сложности. Чтобы мысленно охватить горизонты этого понятия, представляется, что в текущий период к достижениям «цифровой революции» можно отнести компьютерные программы в различных областях, Интернет, искусственный интеллект, промышленные и бытовые программируемые автоматы, беспилотные транспортные средства, в том числе и дроны, дистанционное образование, социальное моделирование, геновая инженерия, автоматические электронные услуги (например, в медицине, праве, политике) и т.д.

Вместе с тем это не означает, что не идет научный поиск. В первом приближении слово «революция», которая связывается с «цифровизацией» выражается «... в создании глобальных промышленных сетей с использованием искусственного интеллекта (AI), широким распространением Интернета вещей (Internet of Things), внедрением киберфизических систем и нейротехнологий с принципиально новым механизмом взаимодействия человека и созданной им машиной (устройством), распространением сервисов автоматической идентификации, сбора и обработка глобальных баз данных (Big Data), облачных сервисов (Cloud Computing), умных устройств и промышленных объектов (Smart Everything), развитием социальных сетей и разнообразных платформ и сервисов в цифровой среде Интернета» [1, с. 13].

Как видно из приведенного положения «цифровая революция» не только запустила новые технологические процессы в различных сферах человеческой деятельности, но и ставит принципиально новые правовые и этические проблемы, прежде всего, в цифровом пространстве. В частности, речь идет о таких сферах как поддержание кибербезопасности, защита персональных данных, конституционных прав граждан [2] и прав интеллектуальной собственности [3], поддержание цифровых сервисов, электронных средств массовой информации и т.д. Перечисленные проблемы объективно затрагивают позитивное право, без которого в новых реалиях, а именно в информационном пространстве, не обойтись. «Цифровая революция» стала «спусковым крючком» создания информационного пространства знаний, что получило свое закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Стратегия].

Одним из ключевых инструментов реализации информационного пространства знаний, заложенных в Стратегии, выступает право. Как отмечает Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин: «... сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [4]. Право становится одним из ведущих

«игроков» в регулировании возникающих принципиально новых правовых отношений и обеспечивающим внедрение цифровых технологий. Под воздействием «электронной Цифры» изменяются «содержание, форма и механизм действия права» [5, с. 6].

Исходя из изложенного, «цифровая революция» – не набор технологий, а совокупность новых общественных отношений, возникающий в сфере цифрового пространства. Поэтому для исследователей в этой области одной из постановочных целей должен быть поиск ответа на вопрос, как должны регулироваться общественные отношения, в условиях использования цифровых технологий применительно к тем или иным отраслям права. И более того, без внимания не должны оставаться этические проблемы, так как мир цифр, с одной стороны, открывает дополнительные возможности влияния на социально-этическое поведение человека, а, с другой, – вносит существенные коррективы в проблему социальной адаптации населения, которое неоднозначно воспринимает вызовы цифровой экономики.

Это только одна из больших и важных задач исследователей на ближайшую перспективу.

Не менее актуальной, а может быть и более важной, является этическая проблема, которая связана с «цифровой революцией» и, в частности, с реализацией «цифровой экономики». На страницах специальной литературы отмечается, что «за внедрением цифровой экономики, конечно, стоит много этических вопросов, но альтернативы этому нет... Все для улучшения жизни населения. Без цифровой экономики невозможно обеспечить рост... Все для удобства граждан» [6].

Не претендуя на охват всей проблемы ввиду ее сложности и постоянного развития, остановимся лишь только на тех, которые с позиции сегодняшнего дня уже очевидны. 20 февраля 2018 года в Государственной Думе под председательством В. Володина состоялись большие парламентские слушания на тему: «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики». Чего только ни обещали докладчики?! Но многие выступающие высказывали обеспокоенность, которая связывается с внедрением цифровой экономики. В наиболее обобщенном виде это прозвучало в докладе руководителя фракции «Единая Россия» С. Неверова. По мнению политика, цифровая экономика может создать условия, разделяющие людей на новую элиту и рабов. На тех, кто владеет роботами, и остальных. Действительно, здесь С. Неверов совершенно прав: цифровое общество – это кастовое общество, во главе которого будут стоять жрецы новой «цифровой» религии, для которых остальные люди будут расходным материалом. Эту мысль он озвучил так: «Цифровая экономика несет в себе не только новые возможности, но и новые

серьезные риски: рост социально-экономического неравенства и возможность социальной напряженности. Соблюдение принципов равноправия потребует существенного государственного регулирования, потому что нам нужно будет учесть интересы всех граждан» [7].

Так что же ждет российское общество в ближайшие 5-7 лет с внедрением и развитием цифровой экономики? По замыслу Правительства Российской Федерации, ее внедрение приведет к изменению во всех сферах жизни. Новая концепция должна задать новую парадигму развития государства, экономики и всего общества. Конкретно это будет выражаться в создании качественно новых моделей бизнеса, торговли, производства. Произойдут изменения в области образования, здравоохранения, государственном управлении. По мнению авторов, трудно предположить, что цифровая экономика поможет резко улучшить положение наших сограждан, из которых более 20 млн живут за чертой бедности, еще 15 млн «в опасной близости» от нее, более 40 млн еле сводят концы с концами. Это только официальные цифры. Недалеко то время (2012 год), когда руководством страны было обещано к 2020 году создать 25 млн рабочих мест.

Но в тоже время, очевидно, произойдут резкие перемены на рынке труда. Это повлечет массовое сокращение рабочих мест и исчезновение целого ряда профессий, рост безработицы, замораживание заработной платы в течении короткого времени. Трудоспособная категория людей не сможет столь быстро изменить свой образовательный статус, приобрести новые компетенции, что будет основанием для рисков увеличения материального неравенства и социальной напряженности.

Очевидно, что цифровая трансформация предполагает и существенное внутреннее переустройство российского общества, например, изменение модели управления, смену экономического уклада. Так, российское общество на текущий период времени выбрало рынок одним из главных элементов социально-экономической системы. Под видом экономических реформ, навязывается та модель рынка, где на первом месте находится система, а человек должен подстраиваться под нее. Это приводит к тому, что уже сегодня в такой рыночной модели определенная часть трудоспособного населения обречены на жалкое существование. Без тщательно выверенного и продуманного плана по предотвращению «цифровой безработицы» цифровизация создаст больше проблем, чем решений.

Такая модель рынка практически растаптывает базовые нравственные ценности – добро и справедливость, честь и достоинство, совесть и порядочность. Как это ни прискорбно, но они получили материальную оценку, денежный эквивалент. Следовательно, процесс цифровой трансформации противоречив и не так однозначен, как преподносят его сторонники. Акцент этого про-

цесса смещается только в сторону положительного. Нельзя не видеть, что смена формата жизни оборачивается не только положительной стороной. По мнению авторов, цифровые технологии формируют социальные микроструктуры, которые, как правило, не учитывают общепринятых гуманитарных и социальных ценностей российского общества.

Ждет своего разрешения на этическом уровне взаимосвязь «человек и искусственный интеллект». В Указе Президента РФ от 10 октября 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») в постановляющей его части предписано до 15 декабря 2019 г. обеспечить внесение изменений в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в том числе разработать и утвердить федеральный проект «Искусственный интеллект».

Как следует из данного акта, развитие информационных систем, помогающих человеку принимать решения, привело к машинному обучению, благодаря которому информационные системы самостоятельно формируют правила и находят решение на основе анализа зависимостей, используя исходные наборы данных (без предварительного составления человеком перечня возможных решений), что позволяет говорить о появлении искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект связывается с массовой роботизацией. Уже сегодня их внедрение в производство и в реальную жизнь, например, в сферу обслуживания, уходу за больными, сбору урожая зерновых и прочее дают высокий эффект, и они становятся незаменимыми. Но тенденция сегодня такова, что идет процесс, направленный на «усовершенствование» человека, в части преодоления биологических его ограничений, получения контроля над его эмоциями и доступа воздействия на эмоциональные зоны мозга в целях поведенческих изменений [8]. По мнению исследователей: «если искусственный интеллект будущего оправдает ожидания, т.е. окажется мыслящим человекоподобным роботом, обладающим чувствами и эмоциями, то законы потребуются изменить для того, чтобы охватить роли роботов в обществе. Это означает, что понадобится пересмотреть существующую правовую систему и адаптировать ее к изменяющимся потребностям общества» [9, с. 95]. И здесь в полной мере возникают этические проблемы о воздействии «человек – машина». Например, взаимоотношения между пациентом и «роботом-медсестрой», «роботом-хирургом» (да Винчи). Доверять или не доверять свою жизнь таким объектам с искусственным интеллектом – это уже дело каждого пациента. Но этот процесс включает передачу части профессиональных обязанностей автоматизированным самообучающимся системам. А это ведет к трансформации этических

норм в самой профессиональной деятельности «профессионал – потребитель услуг».

В связи с этим возникает и еще одна этическая проблема – проблема «ответственности» автономных и интеллектуальных технологий. В научных исследованиях эта проблема получила название «мораль-машина». Здесь основополагающими вопросами является распределение ответственности: разработчик, пользователь, машина. Что касается разработчика и пользователя, то действующая правовая база дает положительный ответ в отношении их юридической ответственности. А что касается ответственности интеллектуальных технологий, то вопрос остается открытым.

Многие исследователи приходят к выводу, что в настоящее время искусственный интеллект недостаточно изучен ввиду его новой особенности, которая заключается в том, что он может обучать себя на основе накопленного опыта. Смело можно предположить, что эта его уникальная функция может привести к тому, что в тех или иных обстоятельствах он может действовать по-разному. В специальной печати он известен как «синдром Франкенштейна» – страх перед механизированными роботами. По утверждению психологов, этот комплекс не проявляется в одной личности, это фобия (страх) навязанная обществу.

Поэтому нет гарантий, что при определенных условиях его действия могут нанести ущерб общественным отношениям, находящимся под охраной права. Следовательно, «искусственный интеллект (робот) правомерно можно отнести к источникам повышенной опасности» [10]. Очевидно, нужны новые подходы к правовому разрешению подобных проблем, а, значит, и принципиально новое нормативное регулирование.

Изложенное позволяет сделать вывод, что цифровизация бурно и чересчур заинтересованно внедряется в правовое пространство российского общества. Должно ли общество искать правовую защиту от ее величества «Цифры»? Логика подсказывает – обязано. И примером такой защиты является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Его главная цель – обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, включая неприкосновенность частной жизни, личной и семейной жизни.

Однако в этом законе имеется ряд изъятий, когда обработка персональных данных не требует согласия субъекта персональных данных. Это, например, «в целях исполнения договора, одной из сторон которого является субъект персональных данных», «для статистических или иных научных целей», «если получение согласия субъекта персональных данных невозможно», «для доставки почтовых отправлений организациями почтовой связи, для осуществления

операторами электросвязи расчетов с пользователями услуг связи за оказанные услуги связи, а также для рассмотрения претензий пользователей услугами связи», «в целях профессиональной деятельности журналиста либо в целях научной, литературной или иной творческой деятельности». Кроме того, оператор законодательно наделен правом осуществлять обработку персональных данных без уведомления уполномоченного органа по защите прав субъекта персональных данных.

К числу проблем, затрагивающих интересы граждан при реализации закона о персональных данных, следует отнести: порядок оформления акта уничтожения персональных данных субъекта; определения требований, в каких случаях веб-сайт является информационной системой; вправе ли оператор запрашивать сведения о судимости; возможно ли получение согласия на обработку персональных данных по телефону; вправе ли кредитная организация обрабатывать персональные данные физических лиц, получивших отказ в предоставлении кредита; возможно ли хранить формы анкет-заявок на получение кредита в формате цифровых копий; является ли файл электронной цифровой подписи доказательством получения согласия на обработку персональных данных при покупке товаров в интернет магазинах и другие.

Актуальным является и проблема борьбы с незаконным сбором и использованием биометрических персональных данных и их обработкой. Например, в октябре 2019 года сотрудники корпоративного университета «Синергия» без разрешения родителей снимали отпечатки пальцев у учащихся подмосковных школ. В учреждении заявили, что тестирование проводилось в рамках профориентационного теста, сослались на дерматоглифику – учение, якобы, определяющее характер и судьбу по узорам на пальцах. Детям вопросов не задавали, сажали к компьютеру, сканировали пальцы рук. Далее просили назвать имя, фамилию, номер телефона и электронную почту.

Согласно информации, на сайте genetic-test.ru, который предлагает «протестировать ребенка прямо сейчас» при помощи одного из «научных способов определения особенностей и склонностей конкретного человека» – дерматоглифики. При этом для тестирования используется оборудование именно для снятия отпечатков пальцев.

Однако, еще в 2016 году комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований установила, что приемы, используемые для рыночного продвижения дерматоглифического тестирования, несут целый ряд признаков лженауки.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» к биометрическим персональным данным относятся физиологические данные (дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, анализы ДНК, рост, вес

и другие), а также иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе изображение человека (фотография и видеозапись), которые позволяют установить его личность и используются оператором для установления личности субъекта персональных данных. Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина в письменной форме (ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ, ч. 2 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных»). После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия его законных представителей (супруги, дети, родители).

Роль биометрии в последние годы возрастает. Ее этическую сторону еще предстоит оценить исследователям. Но что уже очевидно: 19 февраля 2018 года в пресс-центре МИА «Россия сегодня» состоялась презентация Единой биометрической системы, разработанной в ПАО «Ростелеком» для удаленной идентификации «биообъектов». Система была создана по инициативе Минкомсвязи, Центробанка и Сбербанка. Выступая на пресс-конференции в МИА «Россия сегодня» заместитель министра связи и массовых коммуникаций А. Козырев, заявил: «Очевидно, что для цифровой экономики нужны цифровые люди. Это значит, что, в отличие от обычной экономики, люди должны иметь возможность проводить операции в электронном виде. Для того чтобы совершить любую транзакцию в электронном виде, нужно, чтобы мы могли определить личность того человека, который ее совершает. Эта электронная идентификация и есть самый важный «ключ» для того, чтобы цифровые личности начали жить и работать в цифровой экономике. И «ключ» этот, на самом деле, никак иначе, кроме как с биометрией создать нельзя...» [11]. И здесь вырисовывается этическая проблема. Получается, что «цифровой экономики нужны цифровые люди», а электронная идентификация превращает человеческую личность в некий товар, который бездушная компьютерная система опознает машинным способом по заданным параметрам. Не унижает ли такой подход человеческое достоинство и не превращает ли личность в пронумерованный управляемый «биообъект»? Найдутся аргументы и «за» и «против». В любом случае – это новая реальность, которой в истории человечества еще не было и которую предстоит осознать, познать и попытаться поместить в «правовую клетку», откуда ей не удастся низложить проверенные веками гуманитарные ценности.

Приведенные выше риски и вызовы «цифровой революции» требуют, как теоретического, так и этического осмысления. Поэтому данная статья только лишь канва для дальнейшего исследования и обсуждения наиболее актуальных,

с позиции авторов, перечисленных правовых и этических проблем с которыми сталкивается российское общество в сфере цифровых технологий.

Литература:

1. Карцхия А.А. Цифровая технология: новые технологии и новая реальность // Правовая информатика. 2017. № 1.
2. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д, 2005.
3. Морхат П.М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 121 с.
4. Право в цифровом мире [Электронный ресурс]: Российская газета – Столичный выпуск №115 (7578). 2018.29.05 // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения 30.10.2019)
5. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.
6. Филимонов В. Для цифровой экономики нужны цифровые люди // URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/02/22/sensacionnoe_otkrovenie_dlya_cifrovoj_ekonomiki_nuzhny_cifrovye_lyudi/ (дата обращения 04.11.2019)
7. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/02/22/sensacionnoe_otkrovenie_dlya_cifrovoj_ekonomiki_nuzhny_cifrovye_lyudi/ (дата обращения 04.11.2019)
8. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 383 с.
9. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1.
10. Куксин И.Н. Искусственный интеллект помощник или конкурент человека // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: Материалы международной научно-теоретической конференции – V Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 28 апреля 2018 г.). – Белгород, ООО «ГиК», 2018. С. 38-45.
11. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/02/22/sensacionnoe_otkrovenie_dlya_cifrovoj_ekonomiki_nuzhny_cifrovye_lyudi/ (дата обращения 04.11.2019)